

Иулитта, Марфа, Мелания и др.) и славянских именований (Радмил, Радмила, Борислав, Всеслав, Мирослав, Ратмир, Ростислав, Златислава, Милана, Милена, Милослава, Мирослава). Интерес представляют антропонимы, включающие в свой состав несколько компонентов: два – Александр Брендон (2007 г.), Владик Владислав (2002 г.), Юваль Геннадий (2002 г.), Ян Янис (2002 г.), Валентина Марина (2001 г.), Дарья Ирина (2001 г.), Йессика-Ульяна (2001 г.), Лорэлай Кристина (2005 г.), Мария-Владислава (2008 г.), Элизабет Анастасия (2001 г.) и даже три – Жаклин Рай Алина (2001 г.), Оливия Роуз Ольга (2001 г.).

Заключение. Локальный именник – это довольно строгая система, отличающаяся преемственностью в своем развитии. Общественно-политическая обстановка, доступность средств массовой информации, отсутствие внешнего давления на номинативную практику создают условия для дальнейшего расширения антропонимного репертуара, снижения уровня концентрации именослова. При сохранении ставших уже традиционными отличий между гендерными составляющими антропонимикона, возникающими вследствие повышенного стремления женской его части к разноименности, в 1-м десятилетии XXI в. происходит значительное обновление группы популярных именований, сокращение удельного веса устойчивых имен.

Список литературы

1. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць : ма-награфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск : Выд-ва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.
2. Скребнева, Т.В. Особенности именника витеблян в 1-м десятилетии XXI века / Т.В. Скребнева // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVII (64) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 14–15 марта 2012 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – Т. 1. – С. 198 – 200.

ТОПОНИМЫ-СИМВОЛЫ В ПОЭЗИИ ЛЕПЕЛЬЩИНЫ

Т.П. Слесарева

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Имена собственные в контексте художественного произведения воспринимаются в «сложной и глубокой образной перспективе – перспективе художественного целого»[3,38]. Каждый писатель использует собственные имена в соответствии со своим творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами. Поэтому «на употреблении имен лежит печать определенной эпохи, литературного направления, классовой позиции автора. Одно и то же имя может служить разным целям» [6, 54].

В 50-60 гг. XX в. сформировалась особая отрасль знания – литературная ономастика – «субъективное отражение объективного, осуществляемая писателем «игра» общезыковыми ономастическими нормами» [4, 34].

Особенно актуальным сегодня представляется анализ специфики употребления имен собственных в поэтических текстах, в частности, поэтическая топонимика.

Наши наблюдения построены на материале поэзии Лепельщины, с именем которой тесно связана творческая деятельность народного поэта Беларуси Петру-

ся Бровки: здесь он закончил церковно-приходскую школу, работал учителем. В Лепельском педучилище училась Евдокия Лось.

Материал и методы. Всего нами проанализировано 1285 стихотворений Бровки, 1068 – Евдокии Лось, из которых методом сплошной выборки было выписано 487 и 240 топонимов (исследовались только названия населенных пунктов) соответственно. Для анализа собранного ономастического материала мы использовали также статистический, описательный и стилистический методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Обычно топонимический материал в произведениях литературы имеет неоднородный характер. В его составе можно выделить вымышленные, созданные творческим воображением автора, и реальные топонимы.

Включение в художественный текст реальных топонимов обычно связано с определенными фактами биографии автора.

Все топонимы, включенные в топонимное поле поэзии П. Бровки и Е. Лось, не созданы фантазией авторов, их можно легко отыскать на географической карте.

Если разложить карту мира и отметить флажками те места, о которых писал П. Бровка, флажков было бы очень много: *Смоленск* (7 словоупотреблений), *Тбилиси* (4), *Ялта* (4), *Баку* (3), *Вильнюс* (3), *Рига* (3), *Прага* (3), *Бухарест* (3), *Москва* (68), *Петербург/Ленинград* (26), *Киев* (15), *Берлин* (14), *Варшава* (8) и, конечно же, вся Белоруссия: *Минск* (70), *Брест* (11), *Полоцк* (9), *Орша* (8), *Лепель* (8), *Ушачи* (4), *Большие Дольцы* (3). И это не просто случайные названия. Везде поэт побывал: то как автор стихотворений, то в качестве дипломата.

*Яны даспадобы мне, хай і старыя,
Не толькі ў гучанні хваляючы змест.
Як многа гавораць мне назвы такія –
Мінск,
Пінск,
Брэст.*

[1, 100]

Посещение братских республик, самых отдаленных уголков Родины вызвало у поэта интерес к жизни каждого народа. Он посвятил многие стихотворные строки не только родной *Беларуси* (139 словоупотреблений), но и *Украине* (31), *России* (10), *Литве* (7), *Грузии* (6).

Отдельную книгу составили стихи, написанные под впечатлением поездки в США (поэт был членом белорусской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1959 году). Слово *Америка* в стихотворениях П. Бровки встретилось 11 раз.

*Але...я, дзе б ні быў, у старое гняздо,
Як бусел, заўжды прылятаю.*

[1, 176]

*Відаць, я ў гэтым не адзіны,
Відаць, што кожнага кране
На ўсе жыццё адна мясіна.
І есць такая і ў мяне.*

[1, 240]

Через всю жизнь пронес поэт милый образ *Ушаччины* (данный топоним нами зафиксирован 7 раз). Она была для поэта как увеличительное стекло, через которое виделась вся Родина.

*Мой кут нязнаны ў Беларусі,
Няма ў ім дзіўнага чаго,-*

*Я ж дзень пры дні яму маюся,
То крыж нясу я за яго.*

[1, 195]

*Ды ўсе ж усім я спачуваю,
Хто на Вушаччыне не быў.*

[1, 292]

Патриотизм как одно из основных проявлений народности поэзии Е. Лось имеет глубоко внутренний, интимный характер. Разговор о родном крае вытекает из глубины души, приобретая индивидуальность и задушевность. Любовь поэтессы негромкая, немного стыдливая. Свою «малую Родину» она упоминает около 25 раз: *Ушачи* (12 словоупотреблений), *Старина* (6), *Лепель* (5), *Дольцы* (2).

*Са мною ты, мая жывая
Радзіма – веска Старына!*

[5, 17]

Часто в стихотворениях как П. Бровки, так и Е. Лось встречается топоним *Москва* (68 и 22 раза соответственно). Но если Бровка охвачен официальной идеей интернационализма:

*Гэта наша зямля,
Гэта наша радзіма, -
Дзень высокі, як сонца,
Шугае над ёй.
...ёсць наша радзіма –
Ёсць на свеце Масква!*

[2],

то у Е. Лось с Москвой связаны личные воспоминания. Этот город для нее символ ушедшей юности:

*У родным Мінску, горда пасталелым,
Я з ганаровай думкаю жыву,
Што некалі, дзяўчынаю нясмелай,
Я мела домам зорную Маскву...
Я там жыла, там Пушкіна чытала,
У Ленінскі хадзіла маўзалеі...*

[5, 199].

Заключение. Таким образом, топонимы, встречающиеся в лирических произведениях П. Бровки и Е. Лось, представляют собой богатый материал для наблюдений. Они органично и мотивированно вливаются в систему языковых средств стихотворений, ярко рисуют панораму окружающей действительности, являясь своего рода символами для отображения разнообразных воспоминаний, раздумий, переживаний автора, выражения его мыслей и впечатлений. Каждый топоним занимает свое место, создавая целостное восприятие поэтического пространства лирики П. Бровки и Е. Лось, воплощая особую ономастическую картину мира поэтов.

Список литературы

1. Броўка, П. Крыніца з-пад Вушачы: Вершы і паэмы / Пятрусь Броўка; Уклад. Р. Барадуліна. – Мн.: Мастацкая літаратура, 2003. – 366 с.
2. Броўка, П. У. Збор твораў: У 9 т. / П. Броўка – Мн.: Мастацкая літаратура 1987.
3. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика/ В.В. виноградов. – М., 1963.

4. Карпенко, Ю.А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки. – 1986. – № 4
5. Лось, Е.Я. Выбранные творы: У 2-х т. / Е. Лось. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1979.
6. Михайлов, В. Н. Роль ономастической лексики в структурно-семантической организации художественного текста / В.Н. Михайлов // Русская ономастика. – М., 1984. – С. 64–75.

МУЖСКОЙ ИМЕННИК БЕШЕНКОВИЧСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Е.А. Сосновская
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Имя человека с глубокой древности и до сегодняшнего дня притягивает внимание людей. Имя – зеркало, где отражается история народа, его обычаи, уклад жизни. В современном языкознании уже выработаны основные принципы систематизации и интерпретации вопросов ономастики. Однако многие вопросы, в том числе исследование онимического материала отдельных регионов Беларуси, на сегодняшний день остаются малоизученными. Исследование отдельных регионов дает возможность представить общую картину антропонимии. Поэтому изучение особенностей формирования мужских имен Бешенковичского района остается актуальным. Цель исследования – выявить особенности функционирования мужского именника за 100 лет.

Материал и методы. Материал исследования: мужские имена семи населенных пунктов Бешенковичского района Витебской области. Общее количество единиц – 380. Во время исследования использовались следующие методы: описательный, структурный, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического, которые позволили вычислить количество единиц и выделить наиболее популярные среди них.

Результаты и их обсуждение. Д.В. Семькин в своей работе “Антропонимия Чердынской ревизской сказки” утверждает, что, в отличие от топонимов, личные имена отражают лексику активного запаса ограниченного отрезка времени. Анализ мужских имен жителей Бешенковичского района убеждает в этом мнении. На протяжении почти 100 лет непрерывно функционируют такие имена, как *Александр, Алексей, Владимир, Иван*. В процессе имянаречения многие родители ориентируются на календарь, моду, кто-то дает имя в честь своих предков. Современный именник жителей Бешенковичского района довольно разнообразный, каждое поселение имеет свои специфические особенности. В отличие от предыдущих столетий, большую часть именника исследуемого региона составляют женские имена 56 %. Мужским номинациям принадлежит 44 % от общего количества собранных единиц. Наибольшее количество мужских имен зафиксировано в д. Верхнее Кривино (47,2 %), г.п. Улла (46,6 %), д. Свеча (45,3 %). Частыми среди них являются: *Александр, Алексей, Анатолий, Василий, Виктор, Владимир, Ярослав, Юлиан*. Интересно, что мужской именник исследуемого района довольно схож с именником русских дворян XVII века. Так, имена *Андрей, Афанасий, Василий, Григорий, Иван, Федор*, по данным В.Д. Бондалетова, встречаются и в исследованном, и в русском именниках [1, 109].

Мужской личный антропонимикон характеризуется большим разнообразием. Он включает в свой состав как христианские, так и нехристианские имена,